

В поисках счастливого финала

Олег Ефремов сыграл одну из главных ролей в фильме «Сочинение ко Дню Победы»

СЕРГЕЙ Урсуляк снял фильм по принципам беспроигрышным и уязвимым одновременно: во-первых, к праздничной дате; во-вторых, с тремя символами советского кино в роли ветеранов парада Победы; в-третьих, настойчиво до плакатности пытаясь восстановить распавшуюся связь времен. К счастью, ключевое слово в названии сыграло роль талисмана – поражений в фильме значительно меньше, чем побед. Олег Ефремов играет здесь председателя крупного благотворительного фонда, в результате подковерных интриг оказавшегося под судом как взятчик. Его фронтовые друзья – Михаил Ульянов и Вячеслав Тихонов – угоняют пассажирский самолет, чтобы спасти друга.

– Как вы относитесь к расставновке сил среди вашего поколения, показанной в фильме? Действительно ли таков расклад: одни уехали из страны, другие ходят на митинги, оставаясь здесь в оппозиции, а третьи, пытаясь работать, попадают в уголовную историю?

– Естественное, каждое поколение обречено до старости нести на себе отпечаток того времени, на которое пришлось молодость и зрелость: когда были силы и желание менять мир вокруг себя. Я считаю, что оба моих театра – «Современник» и МХАТ – своими спектаклями так или иначе готовили теперешние перемены. Конечно, экономические и социальные реформы – это дело политиков. Но сама по себе общественная атмосфера стремления к переменам – дело людей искусства. И мы это дело, я считаю, делали. Рас-

становка сил внутри моего поколения? Ну, у каждого свой размер претензий к жизни, и осуждать никого за тот или иной выбор я бы не стал. Все зависит от степени порядочности. Это самое сложное для меня в нашем времени. И для героев этой картины тоже. Ведь в том сломе, даже можно сказать – революции, что произошла в середине 80-х, потерялись с виду мелкие, но на самом деле очень крупные человеческие ценности. И ударило это прежде всего по старикам.

– Почему вы говорите о своем поколении в прошедшем времени: делали, жили, любили? Ведь любое поколение – младшее, среднее или старшее – живет в данном времени, а не в прошлом или будущем.

– Конечно. Но просто кто-то ближе к финалу, а кто-то от него подальше.

– А как вы оцениваете открытый финал фильма, когда угнанный самолет улетает в неизвестность, где героев не достать никакими локаторами?

– Это поэтический финал, спасающий героев от прозаичности бытия.

– Вам лично он подошел бы?

– Ну нет. Улететь в никуда – это мне не подходит. Да и не тороплюсь я улетать. Но как финал картины он мне нравится: он емкий, его можно по-разному трактовать, о нем можно спорить. Кто-то подумает, что герои сказали этому времени: а иди ты!.. А кто-то – что это время им так сказалось. У одного зрителя зашевелит сердце от грусти, а у другого – облегчение наступит, что эти деды уберались куда-то. Возвращаясь к вопросу о

настоящем времени, могу точно сказать: это фильм про наше время, там мало выдуманного, ненастоящего. Ну и что-то стоящее в нашем времени есть, ведь правда?

– Я рада, что вы тоже так считаете. А как вы относитесь к смешению жанров, которое получилось на экране – когда мелодрама и экзентрика вклиниваются друг в друга?

– Мне кажется, что такое сюрреалистическое смешение жанров есть и в жизни – выходишь из дому, где играется бытовая драма, на улицу, где можно натолкнуться и на фарс, и на трагедию. А на экране или на сцене жанровые перепады заставляют зрителей пристальнее вглядываться в сюжет, в героев.

– Как режиссер вы – сторонник таких перепадов?

– Я не сторонник перепадов. Я сторонник взглядов древних греков: главное и в жизни, и в искусстве – гармония.

– Вам удастся ее сохранять в жизни?

– Честно говоря, не очень. Времени не хватает.

– А хватает времени следить за новыми фильмами?

– Увы, тоже нет.

– И даже за теми, где снимался ваш сын Михаил?

– Да посмотрел я кое-что, но не слишком внимательно. Если честно, мне все показалось каким-то картонным, ненастоящим. Вот я был в прошлом году членом жюри на фестивале «Киношок» и, естественно, отсматривал программу. Но почему-то почти ничего не осталось в памяти. В «Воре» помню мальчика замечательного – и все.

«Мытарь» – кино, явно стремящееся быть авторским, но даже автором коллизия до конца не понята. От других фильмов осталось еще более смутное впечатление. Но я рад, что новое кино начали снимать.

– А что бы вы сами хотели сейчас поставить?

– В кино – ничего. В театре я давно жду, когда даст мне окончательный вариант своей новой пьесы Людмила Петрушевская. Там возникла необходимость некоторых переделок, но вся беда в том, что Петрушевская, внося изменения, обычно переделывает всю пьесу целиком – получается новая. Вот я и жду, что в итоге получится. У нее всегда был замечательно острый взгляд на жизнь, и здесь это качество, думаю, проявится в полной мере. Речь в пьесе идет о людях «интеллектуальных профессий», которые сегодня не востребованы, потеряли не просто работу, а смысл существования. То есть все о том же, о чем и фильм Урсуляка.

– Вы считаете, что пришла пора «негромких» сюжетов?

– Мне кажется, что уже с большим перебором в нашем искусстве сюжеты крутятся вокруг криминала. Причем все это чисто внешнее – трупы, погони. Пора дать людям продых и начать рассказывать истории про нормальных людей, про их внутренние проблемы – ведь они могут быть куда более интересными и эффектными, чем пальба. Я говорю о проблемах не только своего поколения. Уверен, что у молодежи не меньше, а больше внутренних проблем и даже конфликтов со временем.

Общая газета. – 1998.
– 30 апр. – 6 мая. – с. 10

– Как вы думаете, остается ли по-прежнему актуальной для кино и искусства тема войны? Ведь ваш год рождения, к примеру, был не призывным, ваши семидесятилетние ровесники уже не воевали.

– Смотрите – года два назад не было такого количества юбилеев, как в прошлом и в этом году. Родившиеся в 1927 и 1928 годах празднуют: все мы – и Миша Ульянов, и Слава Тихонов, и я – уже отъюбилеили. Те, кто на десять лет моложе, – тоже празднуют. А между этими поколениями будто повыкосило возможных юбиларов – так война до сих пор дает о себе знать. От тех, кто родился в 25-м году, кажется, осталось шесть процентов после войны. У тех, кто погиб, могли бы быть дети, внуки – разве это не актуально?

– У вас в семье были фронтовики?

– Мама и папа не воевали. А двоюродные братья погибли. Сестра погибла в блокаду – в Ленинграде.

– Разве вы оттуда родом?

– Это двоюродная сестра. Нет, я коренной москвич. Маленьким я видел и даже запомнил Храм Христа Спасителя – еще не взорванный. Туда меня няня водила гулять через Пречистенку. Потом Пречистенка стала Кропоткинской, а теперь вот опять – Пречистенкой.

– Вас сегодня волнует тема подведения итогов?

– Я понимаю, о каких итогах вы спрашиваете. Не-ет, мне это пока не интересно.

– А как же столетие МХАТа, которым вы руководите?

– Это другое дело и другие итоги. Я хочу, чтобы этот юбилей не стал обычным помпезным праздником, от которых уже всех тошнит, а продемонстрировал беспрерывность движения и развития.

– То есть вы хотите сказать, что идеи Станиславского в буквальном смысле слова воплощаются сегодня на сцене?

– Не пытайтесь поймать меня на произнесении пышных монологов о неумирающей традиции. Хотя идеи Станиславского безусловно базировались на всей предыдущей традиции, идущей от древних греков. И сегодняшние идеи – те, что можно назвать плодотворными, – продолжают ту же линию. Но Художественный театр поставил эти идеи на новую ступень: он первым ввел искусство театра в ряд других искусств XX века на равных, если не выше.

– А вы видите сегодня тех, кто готов продолжить воплощение этой идеи вслед за вами?

– Сколько угодно! Есть театр Табакова, там есть Машков со своим театром внутри театра. И это только один пример.

– Если вернуться все же к вопросу о ваших личных итогах: вам не предлагают написать мемуары?

– Много раз предлагали. Но нет у меня такого зуда – писательского. Вот Станиславский – он был, наверное, настоящим графоманом, потому что буквально все записывал, фиксировал.

– В какой мере вы интересуетесь политикой?

– Как все. Не более того. Было, конечно, время, когда я участвовал в съездах депутатов. Но после

этого опыта мне это все кажется неинтересным.

– Но именно вам досталась в фильме «Сочинение ко Дню Победы» роль, будто списанная с первых полос газет.

– Да и вся в целом коллизия, о которой идет речь в фильме, довольно достоверна. Что до моей роли, то кто же не знает, как много у нас криминала во всех структурах и в самой высшей власти. Человек, который привык жить

иначе и не может уловить суть этих нынешних реалий, попадает в полосу неудач или даже скорее отчуждения.

– Вы представляете, чтобы нечто похожее случилось с вами?

– Ну-у, как говорится, от сумы да от тюрьмы не зарекайся... Но я надеюсь, что судьба не приготовила мне такой дурацкий финал.

Беседовала
Тамара МОРОЗОВА